

Публикации и переводы

От редакции

Тематический блок «Публикации и переводы» включает в себя заметки переводчика книги *Смысл и идентичность, или Путь к себе* (2013), написанной известным литовским логиком, философом, лингвистом, ректором Вильнюсского университета (1990–2000) Роландасом Павилёнисом, перевод на русский язык юбилейной статьи известного литовского философа и деятеля культуры Видунаса о Ф.М. Достоевском (1921), а также переводы на литовский язык философско-религиозных размышлений Ф.М. Достоевского (дневниковой записи от 16 апреля 1864 г. в связи со смертью жены) «Маша лежит на столе. Увижусь ли с Машей?..» и чернового наброска неосуществленной статьи Достоевского «Социализм и христианство» (1864) – текстов, важных для понимания мировоззрения и творчества русского писателя и ранее на литовский язык не переводившихся.

ПАРАДОКСЫ ИДЕНТИЧНОСТИ. ЗАМЕТКИ ПЕРЕВОДЧИКА НА ПОЛЯХ ДВУХ КНИГ

Регина Чичинскайте

Последняя книга известного не только в Литве, но и за ее пределами логика и философа Роландаса Павилёниса *Смысл и идентичность, или Путь к себе*¹ отмечена знаком физического ухода ее автора. Труд, которым завершается научный и жизненный путь ученого, становится своего рода завещанием – той составляющей интеллектуального наследия мыслителя, которая невольно истолковывается и в символическом ключе.

В своем интеллектуальном завещании Р. Павилёнис предпринимает смелую попытку ввести в философию языка параметр человека – проанализировать смысл сквозь призму создателя, носителя смысловой системы и ее интерпретатора в одном лице. Недаром понятия, которые использовались автором в его ранее опубликованной книге *Проблема смысла*², такие как «концептуальная система», «концепт», заменены словами «смысловая система, смысл», которые необязательно употребляются

¹ Павилёнис Р., *Смысл и идентичность, или Путь к себе*. / Пер. с лит. яз. Р. Чичинскайте, Вильнюс: ЕГУ, 2013. В оригинале: Pavilionis R., *Prasmė ir tapatumas, arba Kelionė į save*, Vilnius: Mokslo tyros institutas, 2005.

² Павилёнис Р.И., *Проблема смысла: современный логико-философский анализ языка*, Москва: Мысль, 1983.

как строгие научные термины. Философ «очеловечивает» лингвистическую философию, преодолевает ее традиционно строго очерченные границы, вводя нравственное измерение в рассуждения о смысле. Тем самым Павлиёнис критически относится ко всей традиции аналитической философии, в рамках которой значение и смысл рассматривались как проблема построения осмысленных и бессмысленных выражений. В качестве аргумента *ad auctoritatem* он привлекает Л. Витгенштейна, однако и с этим бесспорным авторитетом в области аналитической философии не соглашается. Во-первых, ранний Л. Витгенштейн, как известно, исключает из поля осмысленных выражений высказывания этического и эстетического характера, в то время как Павлиёнис идет по противоположному пути. Позиция позднего же Витгенштейна, отождествляющего значение с употреблением, также оспаривается Павлиёнисом, предпочитающим более строгое, чем у аналитиков и критиков естественного языка, разграничение значения и смысла.

Вслед за своим наставником – французским семиотиком литовского происхождения А. Ю. Греймасом – исследователь рассматривает смысл не как данность и не как употребление, а как направленность, динамическое движение, интенциональность. Ср. у Греймаса: «<...> смысл обозначает не только то, что означают для нас слова, он может рассматриваться также как определенное направление или, философски выражаясь, интенциональность и целесообразность»³. Павлиёнис был

хорошо знаком как с трудами Греймаса (он перевел на литовский язык все его основные работы по семиотике), так и лично с самим ученым, поэтому влияние Греймаса на концепцию смысла (Греймас посвятил исследованию проблемы смысла почти все свои труды), развиваемую Павлиёнисом, нельзя отрицать, хотя сам автор об этом не говорит, прокладывая свой собственный «путь к смыслу и к *самому себе*». На этом пути концепция Греймаса является для него «лестницей Витгенштейна», которую он отбрасывает, но не выбрасывает. Сопоставление и осмысление концепций смысла, развиваемых в трудах Павлиёниса и Греймаса, еще ждет своего исследователя.

Как выясняется в процессе чтения книги, надление нравственным измерением смысла, связанного с решением вопроса об идентичности личности, во-первых, ставит под сомнение традиционно понимаемую объективность в качестве неоспоримого критерия научности (научная объективность при этом не снимается «с повестки дня», а получает более глубокое осмысление, которое можно было бы рассмотреть в рамках экологической парадигмы науки), во-вторых, согласуется с предлагаемой автором концепцией смысла как интерпретации, а не как просто репродукции смысловой системы индивида. Индивид, по утверждению Павлиёниса, состоит из физического и семантического субъектов, которые, как уже говорилось, являются создателями, носителями и интерпретаторами своей собственной смысловой системы, а также интерпретаторами смысловых систем

³ Greimas A.J., *Semiotika. Darbų rinktinė*, Vilnius: Mintis, 1989, p. 84.

других субъектов. Таким образом, индивид не является константой, целостной и неизменной сущностью, которую можно зафиксировать, приписав ему какую-либо идентичность раз и навсегда. Индивид обладает относительной, условной идентичностью, обеспечиваемой генетической и культурной преемственностью. Для того чтобы говорить о своем «я», индивид должен отождествить это «я» с «самим собой». Но что такое это «с самим собой», если на протяжении жизни «я» претерпевает как физические, так и семантические изменения? Павилёнис смело заявляет, что никакого тождественного самому себе «я» не существует, и поэтому *Смысл и идентичность* завершается серьезными философскими рассуждениями, в которых логика прекрасно сочетается с философией:

То, что мы называем постижением самих себя, когда смысловая система отражается в своих собственных смыслах, оставляет «я» каждого из нас беспомощным перед самим собой, т. е. неопределяемым, неуловимым, не только беспрестанно ускользающим от себя, когда мы к себе приближаемся, но и неспособным охватить себя. Потому что – как ни парадоксально это прозвучит – *себя*, как мы обычно *себя* представляем, попросту нет. Может быть, именно поэтому люди и придают столь большое значение своему «я»?⁴.

Концепция идентичности личности, предлагаемая философом, порождает последствия нравственного характера. Речь идет об ответственности инди-

вида. Отвечает ли человек за свои поступки (или проступки), совершенные в прошлом, если в настоящем он уже *другой* – как физический, так и семантический субъект? Автор утверждает, что ответственность за *самого себя* индивид несет по мере того, как он осознает *самого себя* на протяжении жизни, в каждой фазе своего развития. Всего себя человек не может охватить целиком, потому что в каждый данный момент времени он может быть только одним единственным семантическим субъектом, несущим ответственность за самого себя:

<...> быть *самим собой*, отвечать за *себя* – это значит быть на самом деле (в действительности) *одним из* семантических субъектов. Невозможно в реальности быть одновременно несколькими семантическими субъектами и самим собой, т.е. быть самим собой и отвечать за нескольких семантических субъектов. «Себя», «себе», «собою», «в себе» всегда подразумевает одного из возможных семантических субъектов, имеющих в наличии у индивида, в том числе и реального, если таковой существует. Именно отсюда и следует *относительная*, возлагаемая на определенного семантического субъекта ответственность индивида за самого себя в самом широком смысле ответственности, подразумевающей импlications, последствия – физические, социальные, юридические, этические. Йонас Йонайтис, конкретный, реальный индивид, *отвечает за себя и может отвечать за себя* как конкретный семантический (и физический) субъект – со всеми ограничениями, связанными с такой ответственностью. И не более того. Такова логика индивида и семантического субъекта (с. 228–229).

Непонимание того, что имеется, несоответствие между физическим и семантическим субъектами одного и того же индивида, а также того, что

⁴ Pavilionis R., *Prasmė ir tapatumas, arba Kelionė į save*, p. 237. Здесь и далее книга Р. Павилёниса цит. в переводе автора статьи. Номер страницы указывается в скобках.

смысл содержится не только в языке и его употреблении, а, прежде всего, «в индивидах, которые употребляют язык и пытаются через смыслы понять мир и самих себя» (с. 234), оказывает влияние на качество коммуникации между индивидами. Р. Павилёнис утверждает, что решения, принимаемые на основе такой коммуникации, «из-за нетождественности смысловых систем и вытекающей отсюда нетождественности семантических субъектов могут быть и зачастую бывают неправильными с объективной точки зрения, построенными на ошибочных предпосылках, пагубными для индивида, вводящими в заблуждение индивидов и социум, вызывающими не только индивидуальные, но и социальные драмы и кризисы» (там же). В книге подробно не рассматриваются конкретные индивидуальные и социальные последствия, вызванные неспособностью или нежеланием углубляться в смыслы, выходящие за пределы языка, ибо это задача исследований не философского, а социального характера.

Переводить книгу Р. Павилёниса было непросто по нескольким причинам. Во-первых, в философском тексте непрозрачность, невыразимость смысла задана самой спецификой жанра. В этом философия родственна поэзии.

Во-вторых, следуя принципу, «мы брошены в язык», автор стремился максимально использовать предоставляемые родным для него литовским языком возможности выражения всех смысловых нюансов понятий, являющихся ключевыми в тексте его научного исследования. Для того чтобы обнажить внутреннюю форму, или эти-

мологическое значение, ключевых для автора терминов, такие понятия, как «смысл» и «значение», выстраиваются Р. Павилёнисом в этимологический ряд, который, как известно, в каждом языке имеет свои специфические свойства. Слово «значение» – по-литовски „reikšmė“ – связано с такими родственными словами, как „reikšti“ (значить, означать), „išreikšti“ (выразить, выражать), „išsireikšti“ (выразиться, выражаться), „raiška“ (выражение). В русском языке у слова «значение» другая внутренняя форма, поэтому получается другой ряд родственных слов, в котором подчеркивается знаковый характер значения. Аналогичным образом Р. Павилёнис рассуждает и о термине «смысл». В литовском языке слово «смысл» переводится как „prasmė“ и этимологически восходит к глаголам „suprasti“ (понять, понимать), „prįprasti“ (привыкнуть), „prasti“ (приблизить, сделать своим). Мало того, в литовском языке лексема „prasmė“ своей внутренней формой связана с прилагательными „paprastas“ (простой) и даже „prastas“ (неважный, никудышный, плохой, простецкий). В русском языке у слова «смысл» другие «родственники», а именно: «мыслить», «мысль», «смыслить», «осмыслить, осмыслять», «осмысленный», «бессмысленный» и т.д. Таким образом, по объективным причинам лингвистического характера, при переводе теряется не только тонкость словесного выражения мысли, но и стилистическая слаженность всего текста, производящая эстетический эффект. Вполне понятно, что о буквальном переводе здесь не может быть и речи. Поэтому при переводе не-

обходимо учитывать, что философские проблемы смысла и значения автор решает в контексте литовского языка. От того и обобщенный персонаж, используемый автором в качестве иллюстратора его концепции, носитель смысловой системы Йонас Йонайтис «не стал» в русском переводе Иваном Ивановичем или Иваном Ивановым.

На русский язык невозможно буквально перевести и некоторые терминологические словосочетания, потому что по-русски они звучали бы нелепо. Так, для обозначения субъекта, определяемого параметрами «здесь и сейчас», Р. Павилёнис вводит термин „momentinis subjektas“ (буквальный перевод – «моментный субъект»), но по-русски это словосочетание, имеющее значение «субъект, фиксируемый в отдельный промежуток времени, в определенный период развития, наличествующий в определенный момент», буквально перевести нельзя. То же относится и к переводу термина „sekos subjektas“ (буквально «субъект последовательности») – имеется в виду определение субъекта в цепочке сменяющих друг друга, следующих друг за другом фаз развития, существования субъекта. Такого рода термины пришлось переводить с помощью описательных выражений, что неизбежно влечет за собой интерпретацию.

Комментарий требуется и к переводу введенного Р. Павилёнисом концептуального термина „objektai ženklai“ (буквально – «объекты знаки»). По нормам русской пунктуации между определяемым нарицательным существительным и приложением ставится дефис. Кроме того, понятие «объекты-знаки» в рус-

ском языке истолковывается как *объекты, получающие знаковое выражение*, а это и есть традиционное определение знака, репрезентирующего объект. Однако Павилёнис поднимает вопрос не о традиционном соотношении объекта и знакового его выражения, но о знаке, который репрезентирует себя, а не нечто другое:

... может ли знак <...> быть знаком не чего-то другого, а *самого себя*? Или тогда это уже не будет знак в смысле замещения, репрезентации? Иными словами, искажается ли в таком случае само понятие замещения, репрезентации, если обычно под ним подразумевается наличие чего-то другого, не самого себя, направленность на что-то другое? (с. 55–56).

Определив знак в первую очередь как метку (по-литовски – *žymė*), как то, что *выделяется* из окружающей его среды, *обозначается, проявляется*, автор приходит к следующему выводу:

объекты, определяющие себя, очерчивающие себя, так или иначе выделяющие себя из окружающей среды, или объекты, которые мы определяем, очерчиваем их границы, выделяем, различаем, являются *знаками окружающего мира* или *знаками-объектами мира*, т.е. они *дают о себе знать*, или мы *придаем им значение, значимость, наделяем их значением*. Таким образом, они становятся *значащими для нас*; объектами, приобретающими-для-нас-значение (с. 56).

«Знак-объект» по-русски звучит лучше, чем «объект-знак», потому что более адекватно передает оригинальную мысль автора, а именно: знак может быть не репрезентантом объекта, а просто объектом, который является знаковым уже потому, что он присутствует в реальном или возможном мире.

Эта мысль очень важна в контексте определения тождественности «я» самому себе – оно («я») отсылает к «самому себе», но не репрезентирует никакого другого объекта. «Я» имеет значение отсылки к референту, но смысл «я» в отсылке не содержится, он содержится в смысловой системе индивида, в том числе и в смысловой системе индивида, отождествляющего себя с «я». Значение, таким образом, в концепции автора расходится со смыслом, оно совпадает с объектом, оно представляет собой знак-объект, в то время как смысл требует постижения знака-объекта, осмысления, интерпретации, а для этого необходим субъект как носитель своей собственной смысловой системы, в рамках которой только и возможна интерпретация, понимание, выяснение, прояснение смысла.

Самой большой проблемой, с которой сталкивается любой переводчик, является сохранение индивидуального стиля автора. Любимый риторический прием Р. Павилёниса – коррекция, то есть постоянное уточнение мысли, возвращение к сказанному посредством иного выражения, сказанного ранее. При переводе такой фигуры мысли может создаться впечатление, что текст многословен, расплывчат, неясен, избыточен повторами. Подобное ощущение усиливает инверсия, к которой автор прибегает довольно часто, так как он больше озабочен расстановкой логических акцентов, а не правильным порядком слов в предложении. Однако это поверхностное впечатление от текста. Автор *Пути к себе* не преодолевает язык, а делает его участником создания

смысла, который является «основным героем» книги.

Оказывается, что логический и философский аспекты проблемы индивидуальной и социальной коммуникации волновали Р. Павилёниса и прежде – до написания им последнего научного труда. В 2000 г. вышла книга его 99-ти этюдов под названием *Между светом и тьмой*⁵. Это философские размышления обо всем, что имеет смысл для человека, пока он находится «между светом и тьмой», да, пожалуй, и после:

Говорят: родился человек – появился на свет. // Умер – ушел во тьму. А может быть наоборот? («Карусель», с. 7).

Эта книга о чуде и о проклятии существования, о самых близких и дорогих, а также о чужих людях, мнящих себя представителями высшего света, но ни высоты, ни света не обнаруживающих и даже не подозревающих о том, что жизнь может быть таинством. Книга очень личная, хотя нельзя назвать ее исповедью, хотя бы потому, что, как пишет сам автор, «себя исповедать нельзя, потому что от *тебя* тогда ничего не остается» («Исповедь», 77). Эта книга о том, как становятся неузнаваемыми близкие люди, прежде всего, из-за физических, но также и семантических изменений, хотя в этюдах они сбрасывают с себя неудобные одежды научной терминологии, облекаясь плотью и кровью. Эта книга о блаженстве, даруемом одиночеством, и об отчаянии, которое приводит к Нему, заставляет, как гово-

⁵ Pavilionis R., *Tarp šviesos ir tamsos: 99 etiudai*, Vilnius: Tyto alba, 2000. Здесь и далее отрывки из этюдов приводятся в переводе автора статьи. В скобках указывается название этюда и номер страницы.

рил И. Бродский, «отправлять почту в один конец». Эта книга о том, что людей сближает и что разделяет, о настоящих и поддельных вещах, чувствах и людях, о том, что простое оказывается непростым, а непростое – просто. О невыразимом, о радости и о досаде, о страхе и, например, о прохожем:

Не тот прохожий, который проходит мимо. Прохожий есть тот, мимо которого проходят. <...> Мы прохожие в этой жизни не потому, // что мимо нее проходим, а потому, // что она мимо нас проходит. <...> Мы прохожие – потому, что сами мимо себя проходим («Прохожий», с. 48).

Жанровую разновидность этих философских этюдов можно было бы назвать «поэзией логики или логико-философской поэзией». В этих этюдах, как в зеркале, отражаются практически все те проблемы, которые поднимаются в *Смысле и идентичности*, вышедшей вчерез пять лет после публикации этюдов. Логико-философские этюды не просто дополняют сказанное в философском исследовании, а дают ответы на вопросы, которые в силу специфики жанра научной работы не могли получить освещения в *Смысле и идентичности*. Философский и поэтический тексты Р. Павилёниса в их единстве образуют своеобразную риторическую фигуру хиазма, когда поэтический текст симметричен философскому, а неразвернутое в философском тексте рассуждение проговаривается или договаривается до логического завершения в поэтической и одновременно строго логической форме. Здесь Павилёнис волен излагать мысли без «цензуры», предписываемой научным методом; он

использует эмфазу, логически и интонационно выделяя значимые элементы стиха, а также ту риторическую свободу (*licentia rhetorica*), которая позволяет прямо и без обиняков интерпретировать экзистенциально наиболее важные смыслы, содержащиеся в смысловой системе автора. Единственным сдерживающим моментом остается требование эстетической слаженности – симметрия и гармония.

Но главное в этой небольшой поэтической книге – подход к интерпретации смысла. Есть здесь этюды о значении и о смысле. Значение раскрывается через призму самовыражения «я». Как уже говорилось выше, в литовском языке «значить», «означать» („reikšti“) и «выразить», «выражать» („išreikšti“) – этимологически родственные слова. Индивид, получивший в книге «лица необщее выраженье» и ставший человеком, в контексте значения как самовыражения личности («я») становится феноменом, явлением (в лит. языке слово «явление» [„reiškinys“) этимологически связано со словами «значение», «выражение» [„reikšmė“, „raiška“]). Человек как явление что-то значит, означает, выражает. Почти в каждом этюде автор задается вопросами, не всегда риторическими – чаще логическими, ответы на которые звучат неожиданно, иначе говоря, смысл здесь интерпретируется как логическая очевидность, хотя и звучащая парадоксально:

Когда я выражаю себя самого – что я выражаю? // Что значит выразить самого себя? // Возможно ли? // И что тогда остается? // Возможно ли выразить то, чего не понимаешь, не знаешь? // Выразить то, чего не остается? Всегда есть

то, чего невозможно выразить. Иначе нечего было бы выражать («Значение», с. 140–141).

Приведем отрывок из этюда «Смысл» (обращаясь в отдельных случаях к литовскому тексту), чтобы показать, как вербальные значения слова посредством интерпретации превращаются в экзистенциальный смысл:

Множество смыслов: слова, стихотворения, поступка, // действия, жизни. // Однако – что между ними общего? // Объясняю: смысл (prasmė) от понять (suprasti), понять от привыкнуть (priprasti), // привыкнуть от выкнуть (prasti). Приблизить, сделать своим. // Отсюда и простой (paprastas) и, конечно, простецкий (prastas). // Что? Образ (слово „vaizdas“ может быть переведено как «образ», «картина», «вид»). К которому привыкаем (priprantame). // Который понимаем (suprantame). // Который имеет для нас смысл. // Который и есть смысл. <...> Образ – это цель. // Когда нет смысла, нет образа. // Нет цели.

Смысл в этюде неразрывно связан с тем, что подлежит осмыслению, – с картинами мира – *бывшего, настоящего, будущего, желаемого // или нежелаемого, того, который я постигает через опыт; выдуманного*; он связан с видами как знаками-объектами, образами других. Самый бледный, блеклый, нечеткий образ – это образ самого себя. Все эти образы, картины, виды кружатся, словно карусель, без начала и без конца:

с неизвестным, непонятым, непривычным началом // и таким же концом. // С нераскрытым, неразгаданным смыслом («Смысл», с. 138–139).

Индивид, состоящий из физического и семантического субъектов, в этюдах

получает метафизическое измерение и становится человеком – обремененным в плоть и имеющим душу. Сердце как метонимия тела (*ты не останавливаешься до тех пор, пока можешь позволить мне быть. Пока тебе хватает сил позволить мне быть*) превращается в метафору: *мое сердце, моя женщина («Сердцу», с. 31)*. Автора логико-философских этюдов меньше всего беспокоит орнаментальная сторона поэтического выражения мысли. Логика проста и одновременно не проста – парадоксальна в своей простоте и неоспоримости:

То, что просто не просто. То, что не просто, просто. Это одно и то же («Просто – не просто», с. 81).

Зачастую логика противоречит так называемой логике жизни, которая, как пишет философ в своем труде, «основывается не на индивидуальности, не на раскрытии ее тонкости и сложности, а – по сути – на социальном удобстве, социальной пользе, социальной практичности. Как и логика языка, прежде всего являющегося инструментом создания социальной коммуникации, а не индивидуальных смысловых систем, стремящихся к коммуникации; смысла как употребления языка, а не как интерпретации в индивидуальных смысловых системах; осмысленности, подчиняющейся установкам социальной коммуникации. Логика практической коммуникации предпочитает обходить различия, присущие индивиду и семантическим субъектам, нивелировать их или, если есть в том необходимость, принять их во внимание не более, чем этого требует польза, связанная с социальной коммуникацией» (с. 229). Этю-

ды писались, как уже отмечалось, с ориентацией не на прагматическое, а на метафизическое измерение, под углом зрения которого индивид с составляющими его физическими и семантическими субъектами приобретает совершенно другой статус. Метафизическое измерение, или метафизический горизонт, появляется тогда, когда человек обращается с молитвой к Богу:

Господи, куда ты меня ведешь? // Кто водит этим пером? Ты, который во мне, или я, // который в Тебе? («Молитва», с. 27).

Перед Господом человек предстает во всей своей физической и семантической, т. е. телесной и душевной, незащищенности. В молитве он восстанавливает растерянное на жизненном пути единство, становится целостным

и неразрывным. Так кто же нас видит на протяжении всей нашей жизни как *самих себя*, кто обращается к нашему *я* как к *ты*? Никто иной, как только Он, но так ли это, нам знать не дано. Самая парадоксальная логика – это логика веры.

Сопоставление научного исследования и логико-философских поэтических этюдов позволяет представить смыслы, которые являются объектом исследования и объектом медитации в двух книгах Р. Павлиёниса, в символическом образе сферы, которая в данном контексте является символом полноты, но не исчерпанности смыслов, так как сокровищница смыслов никогда не иссякает, пока человек жив, да и когда он уходит – в свет или во тьму. «Не уходим. Если слова оставляем» («Слова», с. 26).